

В.Г. ФЕДОТОВА

РОЛЬ МОДЕРНИЗАЦИИ В ЦИВИЛИЗАЦИОННОМ ПРОЕКТЕ ДЛЯ РОССИИ

***Аннотация:** Цивилизационный проект для России основан на выделении исторически разных моделей модернизации и определении роли фактора культуры в каждой из них. На наш взгляд, весьма важно обратиться к моделям множественных модернизаций, имеющих отличие и разнообразие способов вхождения в цивилизацию модерна (Ш. Эйзенштадт). Кроме того, сегодня приобрела значение национальная модель модернизации, осуществляющая модернизационные преобразования на уровне национальных государств и присутствующих им культур. Она использует как общие принципы модернизации, так и одновременно формулирует собственные цели на основе культурных специфик и стоящих перед обществом задач в области экономики, политики и культуры. Именно поэтому она ближе всего к задаче обоснования цивилизационного проекта для России. Обозначенные модели рассматриваются с точки зрения их исторической значимости, а также актуальности и перспективности при решении новых задач модернизации и цивилизационного строительства или достраивания еще полностью не сформировавшихся структур и культур модерна. Автор обращается к понятию «промежуточных институтов», которые, опираясь на значение культуры, поэтапно могут совершенствовать общество, внося тем самым вклад в цивилизационный проект для России.*

***Abstract:** The civilizational project for Russia is based on the two historically different models of modernization and the determination of the role of culture in each of them. In our opinion, it is important to turn attention to the model of multiple modernizations, which employs difference and variety of ways of entering the mod-*

Федотова Валентина Гавриловна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора социальной философии Института философии РАН (Москва). E-mail: val_fedotova@mail.ru.

ern civilization (S. Eisenstadt). In addition, today the national model of modernization, which carries out modernization at the level of national states and national cultures, has gained importance. It adopts both the general principles of modernization and at the same time formulates its own goals on the basis of cultural specificities and the challenges facing society in the field of economics, politics and culture. That is why it is crucial to the task of building civilizational project for Russia. The models are considered from the point of view of their historical significance, as well as relevance and prospects in solving new problems of modernization and civilization construction or the completion of structures that are not yet fully formed. The author refers to the concept of "intermediate institutions", which, using the importance of culture, can gradually improve society, thereby contributing to the civilizational project for Russia.

Ключевые слова: модернизация, теория модернизации, Ш. Эйзенштадт, множественные модернизации, национальная модель модернизации, цивилизация модерна, культура и модернизация, промежуточные институты, цивилизационный проект.

Keywords: *modernization; theory of modernization, S. Eisenstadt, multiple modernities, the national model of modernization, civilization of modernity, culture and modernization, intermediate institutions, civilizational project.*

Ш. Эйзенштадт впервые применил термин «множественная модернизация» в заглавии и содержании одноименной статьи, и многие авторы используют данный оборот речи в других контекстах. Следует обратить внимание на то, что сегодня это утверждение имеет ряд новых значений, рассматриваемых в данной статье. Но понимание модернизации и модернити (современности) Ш. Эйзенштадтом, содержащее принципиально новое цивилизационное видение, составляет существенно значимый компонент модернизационной теории, который пока еще мало исследован.

Множественность модернизаций и цивилизация модерна

В данной статье вопрос о множественности модернизаций ставится в определенном плане, а именно в том, как он был сформулирован Ш. – Эйзенштадтом и некоторыми продолжателями его традиций. Он раскрыл новое видение модернизации и современности (modernity) путем характеристики изменений, возникших в связи с конвергенцией современно-го и индустриального обществ.

Сегодня термины «модернизация» и «модерн» («современность») выступают как чрезвычайно популярные и применимые концепты, которыми описываются изменения в сторону перехода к современности в прошлом, настоящем и будущем. Указанные термины легко переходят из

сферы теоретических значений к повседневным и практическим характеристикам любых важных изменений. Эти повседневные значения не одинаковы в России и в Китае, в Латинской Америке и Восточной Европе. Общий подъем Запада Европы – Ренессанс, Реформация и Просвещение – сделали его культурную общность региональной, т.е. сходной с частью Европы, и отличающейся от тех, кто в неё не входил. Например, Шанхай 1920-х годов не был похож на западный центр. Сегодня такие модели модернизации относятся преимущественно к тем странам, которые не прошли ни модернизации, присущей Западу, ни догоняющей Запад модели модернизации.

С конца 1990-х годов появился *мегатренд глобализации* – процесс глобального экономического взаимодействия стран мира, возникшего после распада коммунизма. Те, кто не понимает экономической сущности глобализации, испытали массу иллюзий, связанных с ожиданиями культурной гомогенизации мира, осознания человечеством своего единства, перспективой ликвидации бедности и отсталости, избавления от войн и конфликтов, сближения Запада и не-Запада, нахождения универсальных для всех ценностей. Модернизация в условиях глобализации приобрела национальный характер не только в том смысле, что она в каждой стране осуществляется по-своему и дает значительное разнообразие результатов. Ш. Эйзенштадт писал: «Люди стали свидетелями перехода одной современной цивилизации в множество – к нескольким современным цивилизациям. Теория модернизации перестала рассматриваться как финальная» [10, 34]. Имеется в виду, что образцы европейской цивилизации модерна получили распространение на другие общества, приходя для этого к ряду новых вариаций.

Согласно Ш. Эйзенштадту, переход к современности, обществу и обществам модерна не является завершающим актом, входящим в столетия однотипного развития, а представляет собой процесс расширения сферы современности (*modernity*) путем подключения к ней все новых и новых обществ, имеющих свои пути развития, однако осуществляемые уже в общих рамках *глобальной цивилизации модерна*. Иными словами, эволюция и модернизация отдельных обществ привели к формированию *цивилизации модерна* подобно имевшим место в прошлом цивилизациям древности и Средневековья.

Эйзенштадт стоит на позициях осевых цивилизаций, выдвинутых К. Ясперсом и рассматривающим их как центры притяжения разнообразных обществ в определенные исторические периоды. Ясперс считал, что происходит последовательная смена этих цивилизаций. Это – характеристика античной истории с VIII по III вв. до н.э., когда возникли но-

вые способы мышления в Персии, Индии, греко-римском мире и Китае. Ясперс обозначает термином «осевая цивилизация» период одновременного развития в разных новых пунктах цивилизационного видения, задающего вопросы о понимании Космоса, этики и сообщества. Осевые цивилизации — это цивилизации с новым мышлением в религии и философии.

Ш. Эйзенштадт увидел продолжение осевой цивилизации в понятии «цивилизация модерна». Он нашел определенные основания для выделения Западной Европы как нового цивилизационного образования, которое можно обозначить как современность (*modernity*). Концептуализации базового напряжения между институциональным и мирским порядком стали его методом анализа. В результате нарастающие вариации специфического подхода к развитию различных обществ и к их трансформации способствовали тому, что модернизация все менее рассматривалась как разрыв с традицией и все более как специфическая реакция вхождения в современность, при которой исходная традиция имеет значение и включается в процесс модернизации в критически преобразованном виде.

По мнению Эйзенштадта, процесс модернизации не может быть рассмотрен как конечная цель эволюции всех известных обществ. Эта новая «перспектива» модернизации не предполагает обнаружения эволюционного потенциала, свойственного всем обществам. Скорее, она рассматривает современность (*modernity*) как уникальный тип цивилизации, зародившийся в Европе и распространившийся по миру, охватывая, особенно после Второй мировой войны, его целиком [10, 35]. Данное утверждение может выполнить весьма важную функцию «заслона» против замены любого типа изменений (эволюции, развития, трансформаций, прогресса, преобразований и пр.) сегодня, исходя из конъюнктурных соображений, термином «модернизация», что свойственно современной отечественной литературе.

Модернизация распространяла представления об эффективных социальных институтах в экономике, политике и идеологии, что придавало ей большую мобильность и способность заинтересовать и увлечь людей разных обществ не только теоретическими инновациями, но и практическими целями. Доосевые цивилизации не выдвигали подобной проблемы и поставленная осевыми цивилизациями, в т.ч. и Европой, на этапе модерна цель, обрела фундаментальную значимость. Принципиальным сегодня видится следующее утверждение Эйзенштадта: «...процесс модернизации не может более рассматриваться как *конечная цель эволюции всех известных обществ*. Эта новая перспектива модернизации не предполагает, что процесс модернизации обнаруживает эволюционный потенциал, свойственный всем обществам» [10, 34; курсив наш. — В.Ф.).

Однако Эйзенштадт все же не раскрыл подробно тему модернизации, хотя и предупредил о возможной неадекватности в использовании этого термина. Дальнейший разбор проблемы он осуществил в своей статье «Множественные современности» в журнале *Daedalus*. Здесь он сделал важное заявление: «Главный смысл термина “множественные современности” состоит в том, что современность (*modernity*) и вестернизация не идентичны» [11, 1]. Эйзенштадт защищает цивилизационное значение понятия «современность», но считает его не сводимым ни к понятию «современная эпоха», ни к классическим теориям модернизации (точкам зрения К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера и Т. Парсонса) и выступает против универсализации европейских мерок модернизации, а также против концепции 1950-х годов, где последняя трактуется как соперничество США и СССР за выбор странами третьего мира капиталистического или социалистического способов развития. Эйзенштадт показывает, что модернизация включает многообразие трендов развития семейных отношений, экономических и политических структур, инноваций, культуры и пр.

Для модернизации обществ важны не различающиеся детали, а понимание сути современного общества (*modernity*). По мнению Эйзенштадта, идея множественности современностей предполагает, что лучший способ понять текущее состояние мира и на деле объяснить историю современности — увидеть историю непрерывного конструирования и реконструирования множества культурных программ. Предопределенный богами социальный порядок стал рушиться, и, как показывает Эйзенштадт, именно тогда появился порядок, который мы делаем сами. Это и есть современность. Центр этой программы в период ее образования — автономия человека. Следовательно, современная эпоха — это эпоха, которую мы делаем, не полагаясь на волю Бога, космоса и пр., и центр культурной программы современности — автономия индивида. Источником ее легитимации является множество индивидуальных целей и интересов, ведущих к признанию множественных интерпретаций.

Эйзенштадт показывает, что первая радикальная трансформация предпосылок современного культурного и политического порядка Западной Европы была связана с её экспансией в Америку. Американская трансформация предстала западной, но отличной от Европы формой современности, развитой на основе европейских предпосылок. Европейская современность институционализировала в США новую форму современности, не тождественной европейской [11, 13]. Дальнейшее распространение современности продолжилось на такие страны и регионы, как Россия, Восточная Европа и по мере расширения глобализации — на другие части планеты (Индия, Китай, Вьетнам, азиатские и латиноамериканские страны).

Множественные современности, согласно Эйзенштадту, являются порождением трансляции европейского образца, полученного на почве ее собственной культуры, и дальнейшего синтеза имеющихся образцов в других странах и регионах.

Но почему именно Европа оказалась ядром современности (*modernity*)? Таким вопросом задается американский исследователь Дж. – Голдстоун. В предисловии к русскому изданию своей книги он показывает, что такой шанс имела и Россия [4]. Она потеряла свое преимущество перед Европой после поражения в Крымской войне – в то время, когда Европа, напротив, развивала критическое мышление, устремленность к прогрессу, индустриализацию. Контрреформация почти отбросила Европу с успешного пути. Но её модернизационный тренд уже трудно было остановить. Однако Россия тоже имела грандиозные достижения в культуре, освоении земель, формировании государства. Сегодня на наших глазах усиливаются трудности Европы, как Западной, так и Восточной, и, тем не менее «цивилизация современности», сформировавшаяся в Европе и начавшая распространяться в Америку и другие страны, существует и в России, и в тех странах, которые прежде были далеки от европейского пути (Индия, Китай, страны Латинской Америки и пр.).

Многое оказалось неожиданным. По мнению Голдстоуна, Запад ожидает упадок, в то время как значительную часть остального мира – подъем: «В ближайшие десятилетия прогресс остального мира должен ускориться по мере того, как другие страны научатся преодолевать препятствия на пути к экономическому росту и войдут в число стран, пользующихся благами быстрого роста, основанного на распространении технических знаний и свободе инноваций. По мере распространения современного экономического роста возвышение Запада – процесс, продолжавшийся всего два столетия, с 1800 по 2000 г., – будет восприниматься как временный, хотя и многое изменивший, этап в мировой истории» [4, 399-400]. Этот прогноз может сбыться в отношении Западной Европы и подъема новых регионов. Но трудно предположить возможности радикального экономического подъема новых стран с одновременным сохранением лидерства Западной Европой и США из-за ограниченности ресурсов, роста населения, вступления в гонку стран с совершенно другой культурой, а также того, что у прогресса и модернизации, лидерства стран могут появиться новые параметры.

Споры о модели множественной модернизации сегодня

Сказанное выше в какой-то мере позволяет предположить, что термин «множественная современность» пытается не допустить восприятие

модерна как ограниченного только Европой. Модернизационная теория и практика обретают признаки конструктивизма, при котором культурные различия обществ могут стать основанием для употребления слов «модернизация» и «современность» (*modernity*) во множественном числе – «модернизации» (*modernizations*) и «современности» (*modernities*) в общих рамках цивилизации модерна.

Суть концепции Ш. Эйзенштадта по проблемам модерна состоит в том, что в отличие от теорий, видящих в модернизации переход из традиционного общества в современное и показывающих сходство процедур рационализации и процессов модернизации, он, как следующий теории осевых цивилизаций, видит общность процесса в разных странах *в формировании общей цивилизации модерна*, но считает процедуры осуществления этого в различных обществах далекими от возможностей канонического описания или универсализации. При этом Эйзенштадт понимает, что модернизация не является одним только благом, поскольку она осуществляется путем разрушения и конструирования. Необходимо отдавать себе отчет в том, какие потери понесет общество ради обновления и развития, какова цена такой модернизации, что произойдет в случае негарантированного успеха.

Е. Фурье, поднявшая весьма своевременный вопрос об издержках модернизации, справедливо ставит и другой вопрос, от которого в значительной мере уклонился Ш. Эйзенштадт: «Требует ли современность (*modernity*) дать субстантивную сеть процессов и феноменов или в большей мере темпоральную сеть? Можем ли мы говорить о современных обществах (и, если нужно, о несовременных) или достаточно того, что мы живем в эпохе, в которой современность стала общим глобальным условием?» [12, 56]. Этот вопрос не имеет четкого ответа. Но он показывает, что процессы и феномены, которые рассматривались Э. Дюркгеймом, М. Вебером, Т. Парсонсом, Ю. Хабермасом и др. в качестве алгоритма перехода к модерну, получили альтернативу в концепции цивилизации модерна Ш. Эйзенштадта, поддержанную Е. Фурье, Р. Ингельхартом и другими авторами, опиравшимися на множественную модель модернизаций.

Последняя предполагает многообразие путей, ведущих в цивилизацию модерна, прежде имевшую место первоначально и исключительно в Западной Европе. Сегодня многое изменилось и, скорее всего, национальные модернизации будут иметь свою вариативность. При этом сохраняются в том или ином виде и необходимые для модернизации структурные константы. Они позволят понять, входит ли общество, находящееся в этом процессе, в цивилизацию модерна и может ли войти. Но понятия модерна и обществ модерна уже сегодня не тождественны западным

обществам. Новые представления о модерне, а именно введение понятия «цивилизация модерна» или «цивилизация современности», не устраняют возможности вступить в это состояние сегодня кажущимся далекими от этих задач обществам, в т.ч. и тем, которые не имеют в качестве предпосылки развития автономного индивида. Это видно на примере Китая, Вьетнама, Сингапура и Малайзии и многих других стран. И подобный путь может привлечь исламские и латиноамериканские страны, позволит им на основе «культурной кристаллизации», как говорил Ш. Эйзенштадт, подготовить себя к полноценному участию в проекте модерна.

Если следовать Эйзенштадту, цивилизация модерна одна. Она появилась в Новое время, значительно позже предшествующих осевых цивилизаций, выделенных К. Ясперсом, – Индии, Китая, Египта, Месопотамии, Древнего Израиля, древней Греции, Ирана. А модернизации и создаваемые ими общества многообразны, имеют разные пути к модерну и образуют вместе цивилизацию модерна (*civilization of modernity*). Страны, имеющие «культурную целостность» (*cultural entities*) (так называет Эйзенштадт очевидную культурную специфику, в том числе Китая, Японии, Индии и других стран), могут войти в цивилизацию модерна, в т.ч. и разными путями. Известная американская исследовательница Л. Гринфельд в качестве такой целостности рассматривает формирование национализмов.

Это правильно, поскольку формирование многих национальных государств ведет к множеству национализмов и типов национальных государств, в т.ч. к национальной идентичности в пяти странах (Англии, Франции, России, Германии, Америке), которые являются пятью путями к современности [13].

Ядром современности многие исследователи считают, как было отмечено, уже не автономия индивида, а рациональное господство, которое было рассмотрено М. Вебером. *Но, наряду с автономией и рациональным господством, модерн теперь имеет ряд новых качеств: он поддерживает государство как суверенную единицу, вовлекает людей в новую производственную и экономическую деятельность, развивает образование, создает образцы поведения, адекватные современности, изменяет положение неевропейских народов, освобождает женщин там, где они были порабощены, и тем самым формирует многочисленные группы граждан, выигрывающих от перехода к модерну.*

Критика теорий модернизации сегодня идет в двух направлениях: по линии непринятия цивилизации модерна (современности), отличной от других осевых цивилизаций, незападными странами, и со стороны исторически сменяющих друг друга цивилизаций древности, Средневековья и Нового времени. Однако, согласно теории Эйзенштадта, утверждается

требование множества модернизмов, т.е. путей к модерну разных обществ для расширения цивилизации нового модерна. Его концепция только по счастливому незнанию может казаться продолжением концепции модернизации на основе достижения определенных свойств и качеств, которые предписываются модернизации, как это было у Э. Дюркгейма, М. Вебера, Т. Парсонса и Ю. Хабермаса. У последних речь шла не о цивилизации модерна, в которую вливаются общества с реально осуществляемыми или осуществленными модернизациями, а о разнообразии процессов модернизации в разных странах.

Финский ученый Э. Аллард показал, как ограниченность классических теорий модернизации препятствует их использованию для описания опыта скандинавских стран. Он основывается на том, что в странах Скандинавии идеи, относящиеся к социальным процессам, редко строятся на концепциях модерна и модернизации. Они функционируют преимущественно в теоретических дискуссиях, не вносящих вклад в описание развития общества. Но это — не основная и не единственная причина их критики. «Первоначально модерн считался присутствующим в развитии структурной дифференциации, в новых измерениях институтов, плюралистичных культурных программах, в развитии рефлексивности и т. д.» [1, 61]. Согласно Алларду, классические социологические теории модерна основывались на представлении, что «стандарты модерна... будут переняты всеми модернизирующимися странами» [1, 61]. Однако, по его мнению, «трудно представить, чтобы их очень разный исторический опыт последних двух веков не создал значительных различий в господствующих там предпочтениях и отрицаниях черт модерна... Во всяком случае, при формулировании теории модерна и применении ее к странам центра Европы плодотворной была бы конкретизация, насколько и исторический опыт, и географические, и социальные факторы создавали тенденцию движения к разным опциям, не считая, что критерии и цели модернизации одинаковы для всех стран» [1, 65]. Модернизация во всех ее вариантах не предполагала совершенного общества, а ориентировалась на общество современное. Именно подобный тезис был предложен нами к книге «Модернизация и культура» [8]. Современность виделась в двух вариантах — как различающиеся между собой модернизации, одни из которых входили в цивилизацию модерна, последующую за цивилизациями древности и Средневековья, и как модернизации, реализующие программу перехода из традиционного обществ в современное.

Концепция Ш. Эйзенштадта привела к пониманию того, что имеются различные социокультурные контексты, которые влияют на характер

модернизации каждого общества и вплетают достигнутый результат в совокупный итог цивилизации модерна, возникшей первоначально в Западной Европе. Страны, устремляясь к новой цивилизации модерна, меняют себя под эту задачу. Мы имеем все основания утверждать, что в рамках отдельной страны (региона, общества, нации) такая множественность модернизаций не достигалась, а напротив, шел поиск оптимальной и обоснованной модели модернизации. Упомянутая выше исследовательница Е. Фурье отмечает: «...сторонники множественной модернизации очень скептически относятся к теориям Гегеля, Маркса, Вебера, Парсонса, Хамбермаса как частным и фокусирующимся на влиянии единичных или институциональных факторов. У Эйзенштадта более нюансированная концепция, уделяющее большее внимание освобождающим и деструктивным факторам модерна. В 1970-1980-е годы сторонники множественных модернизаций аргументировали, что новые не тотализирующие теории появились в конце холодной войны» [12, 55].

В истории модернизации Западной Европы, США, России, Восточной Европы, Японии, Китая, Индии, азиатских и латиноамериканских обществ, согласно Эйзенштадту, происходит своя «культурная кристаллизация» и рождаются свои «культурные целостности» или, по мнению современного П. Вагнера, формируется одна из форм социетального самопонимания.

Национальная модель модернизации

Ш. Эйзенштадт применил концепцию множественных модернизаций, по-разному осуществляющихся в разных частях мира в стремлении войти в единую цивилизацию модерна. Фокус его внимания был обращен к цивилизациям и их специфике. Тем самым он заложил основы перехода к концепции национальных моделей модернизации, которая появилась позднее, разбивая эту множественность модернизаций на конкретные национальные проекты. При этом под национальным понимается соответствие интересам основной геополитической единицы модерна, то есть национальному государству. Концепция национальной модели модернизации возникает в конце XX-начале XXI века в условиях глобализации и глобального капитализма.

С нашей точки зрения, XXI в. стал новым Новым временем для западных стран, в котором государства, особенно незападные, устремились в условиях глобализации к осуществлению национальной модели модернизации. То есть, мы имеем в виду достаточно специфические и адекватные местной национальной культуре усилия по вхождению в модерн [9]. Это в меньшей мере относится к России, Восточной Европе, которые были

близки к европейским процессам, но более характерно для стран Юго-Восточной Азии, Латинской Америки и регионов, не связанных с европейской модернизацией.

Широкую известность получили работы Ту Вэймина о национальной модернизации в Китае [7]. Этот исследователь отмечает важность для экономики и моральной атмосферы в Китае конфуцианских установок. Он показывает, что Китай не просто бросился в омут бесконечных преобразований, но, взглядываясь в японский опыт, обдумал вопрос о том, как с точки зрения перспектив конкуренции Китая с западными странами следует отнестись к таким антиномиям развития, как «сельское хозяйство — промышленность», «капитализм — социализм», «восточная культура — западное образование». Мы далеки от преувеличения китайских достижений, хотя они значительны, но важно то, что идея способности конкурировать с Западом, а не догонять его, осознание непреодолимости своей культурной и цивилизационной специфики привели Китай к постановке актуальной задачи борьбы с голодом в 1970-е годы и определили приоритет реформы его сельского хозяйства. Решение именно этих задач и стало в начале реформ национальной моделью модернизации страны. Сегодня в условиях мирового экономического кризиса китайское правительство приняло меры по усилению потребления внутри страны.

Во многих случаях глобализация означает распространение капитализма, победу капитала над национальными интересами незападных стран. Китай избежал этой ловушки. Он самым успешным образом использовал глобальный рынок в своих национальных интересах. Модернизация в Китае сопровождается некоторым смещением внимания к экономике внутри страны. Подобная смена приоритетов обуславливает длительность или даже бесконечность процесса модернизации, отрицание недостижимости ранее поставленной задачи. «Мы находимся в довольно сложном положении, — пишет Ту Вэймин. — Нам предстоит преодолеть три преобладающие, но устаревшие дихотомии: “традиционное — современное”, “западное — незападное”, “локальное — глобальное”» [7, 243].

Действительно, китайцы попытались перейти к современности, полагаясь на цивилизационную и политическую (посредством коммунистического режима) защиту традиции. Они обратились к вестернизации (к западному), особенно в сфере технологий в условиях нового разделения труда между западным «обществом знания» и азиатским индустриальным обществом, не позволяя Западу рекультивировать свою страну, хотя частично это все же происходит. Китай использовал возможности глобального для модернизации национального.

По мнению Ту Вэймина, приверженность вестернизации «позволила азиатским странам перестроить экономику, политику, общественную систему согласно тем образцам, которые они... считали более передовыми» [7, 243-244]. Однако эти страны нуждались в адаптации инноваций к собственной культуре. И не продолжающаяся вестернизация, а синтез ее результатов с местными условиями оказался достаточно продуктивным и, по мнению цитируемого автора, доказывающим устарелость отмеченных им антиномий.

Концепт национальных моделей модернизации первоначально применялся для демонстрации специфических задач осуществления модернизаций незападными странами, не имевшими контакта с европейским модерном — Китаем, Индией, Японией, Вьетнамом, Южной Африкой, обществами Латинской Америки и пр. [3]. Разделяя сегодня задачи необходимости модернизации в своих обществах и развивая методы осуществления модернизации у себя, а также вхождения в экономические, политические отношения со странами модерна, не все эти общества прямо ориентированы на вхождение в «цивилизацию модерна», но в большей мере на собственные задачи модернизации, обеспечивающие им конкурентоспособность, экономический успех, политическую стабильность и подъем своего общества. Эти задачи до поры до времени решаются как национальные модели модернизации, но не исключено, что рано или поздно они завершатся вхождением их в «европейскую цивилизацию модерна», интегрирующую множество модернизмов.

Для осуществления российского модернизационного проекта необходимы как некий уровень вестернизации, накопленный страной, так и поворот к собственным коренным проблемам. Цель российского модернизационного проекта состоит в определении приоритетной задачи и последующих за ее решением новых задач, этапов их осмысления, а также — в заимствовании тех успешных институтов, образцов, способов и инструментов, которые имеются на Западе и в мире в целом.

Промежуточные институты в цивилизационном проекте России

В России имеется много действующих архаических начал культуры, которые она пытается преодолеть. В интересной книге Ч.К. Ламажаа «Архаизация общества. Тувинский феномен» показано, что архаика может сыграть свою роль в трансформации общества. Ею исследовано несколько путей архаизации в постсоветской Туве: экономическая (собственность, богатство, труд), культурная («за Саянами» и «тувинское время»), социальная, политическая (клановость во власти) и региональные модели архаизации. Автор рассматривает архаизацию как феномен, который схо-

ден с общероссийскими процессами тем, что быстрые изменения в жизни, связанные с модернизацией, нередко возвращаются к архаике, ибо культурные условия порождают архаику в большей мере, чем модернизационный процесс [5]. Это нельзя расценить только как отказ от модернизации. Глубинные структуры культуры, особенно в архаических обществах, – африканских, латиноамериканских, некоторых регионах России сопротивляются изменениям, сущность которых они не понимают или которые не хотят принять. Иногда использование архаики является приемом для того, чтобы побудить к культурно-модернизационным изменениям. Архаика удерживает тувинское общество в границах традиционной культуры и позволяет ему развиваться в сторону современности без сломов и катастроф.

На не парадоксальность подобного вывода указывает российский исследователь А.А. Аузан как в общем виде, так и на примере отдельных стран, в частности России. По его мнению, «в разных странах при модернизациях приходится находить разные ключи к тому, как применить традиционное для движения вперед» [2]. Таким ключом может стать так называемый «промежуточный институт» – «"неидеальный" с точки зрения стандарта того, как должны выглядеть институты в развитой стране». Такой институт являет собой «не только наше желание обустроить определенным образом экономику или политическую жизнь, но должен учитывать и те ограничения и темпы процессов, которые идут в стране». Примером, по его мнению, являлся институт земства – «вертикально выстроенный институт гражданского общества, который учитывал наличие и сословной иерархии, и самодержавной власти, но при этом представлял собой важный элемент развития, плоды которого мы видим не только в призрачной социокультурной сфере, но и вполне материально, как до сих пор существующие земские школы и больницы». А в Южной Корее клановость была использована в качестве «промежуточного института» [2]. Определение промежуточных институтов дал В.М. Полтерович, понимающий их как институты, работоспособные при имеющихся ограничениях, в т.ч. вызванных социокультурными обстоятельствами, и способствующие ослаблению этих ограничений, что создает условия для дальнейших преобразований [6, 96].

Заметим, что Запад не имел образца, которому нужно было подражать, и поэтому двигался в направлении модернизации с помощью шагов, не всегда последовательных, но приведших его к сегодняшнему результату. Так, демократия (если говорить о политической культуре), которая провозглашалась изначально целью западных обществ, достигалась ими поэтапно. Например, в XIX в США речь шла только о белых мужчи-

нах. В XX веке в результате борьбы за гражданские и избирательные права, демократические права получили женщины и афроамериканцы. Ставя задачу демократизации, западные общества решают ее, идя шаг за шагом, выбирая достижимые на данный момент цели модернизации, адекватные существующей культуре. То есть, модернизация Запада достигалась часто путем строительства несовершенных «промежуточных институтов», пытающихся решить какую-то задачу на основе существующих ценностных представлений.

Методологически чрезвычайно важно, что применяемый А.А. Аузаном и В.М. Полтеровичем подход, подразумевающий строительство «промежуточных институтов», не требует немедленного рывка вперед – например, от социализма к капитализму. И эксперимент, проведенный с распадом социализма в СССР и объявлением о немедленном построении капиталистического будущего, оказался грубо сформулированной доктриной, мешавшей этому переходу. Культурные основания России не были учтены, и в очередной раз волюнтаристски оборваны, порождая формы дикого капитализма и бескультурие. А это подрывало имидж России и привело ко многим разрушениям, отбросившим ее в цивилизационном плане назад.

Следуя этой повестке дня, авторы доклада «Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ» показывают, что «знание социокультурных особенностей жителей той или иной территории, учет факторов социокультурного разнообразия позволяют осуществлять “тонкую настройку” реформ, дают возможность разрабатывать нестандартные институциональные решения, предназначенные для преодоления “институциональных ловушек”, решения «проблемы колеи» и вывода экономики на устойчивую траекторию развития» [6, 13]. При построении промежуточных институтов особенно важно иметь образ будущего страны. Он нужен для того, чтобы получить вектор развития, в т.ч. и в сфере культуры. Оценка событий прежней истории может быть пересмотрена с точки зрения нового настоящего.

Концепция множественных современностей, промежуточные институты и национальная модель модернизации составляют тот арсенал средств, который может позволить России консолидировать свои возможности для уверенного развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аллард Э.* Сомнительные достоинства концепции модернизации // Социологическое исследование. – 2002. – № 9. – С. 60-66.
2. *Аузан А.* Промежуточные институты. Почему в России нельзя построить все сразу. – 2017 [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/73216> (дата обращения: 27.09.2017)

3. Буров В.Г., Федотова В.Г. Китайский опыт модернизации: теория и практика // Вопросы философии. — 2007. — № 5. — С. 7-20.
4. Голдстоун Дж. Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500—1850 / пер. с англ. М. Рудакова, И. Кушнаревой. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 299 с.
5. Ламажаа Ч.К. Архаизация общества: Тувинский феномен. — М.: Книжный дом «ЛИБ-РОКОМ», 2013. — 272 с.
6. Социокультурные факторы инновационного развития и успешной имплементации реформ. — 2017 [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <http://csrg.ru/wp-content/uploads/2017/09/Report-SF.pdf> (дата обращения: 17.09.2017)
7. Ту Вэймин. Множественность модернизаций и последствия этого явления для Восточной Азии // Культура имеет значение. Каким образом ценности способствуют общественному прогрессу? / Под ред. Л. Харрисона, С. Хантингтона. — М.: Московская школа политических исследований, 2002. — 320 с. — С. 237-250.
8. Федотова В.Г. Модернизация и культура. — М.: Прогресс-Традиция, 2016. — 334 с.
9. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ взаимоотношений экономики и общества. — М.: Культурная революция, 2008. — 607 с.
10. Eisenstadt S.N. *Power, Trust and Meaning. Essays in Sociological Theory and Analysis.* — Chicago, L.: Chicago University Press, 1995. — 401 p.
11. Eisenstad S.N. Multiple Modernities // *Daedalus*. Winter. — 2000. — Vol. 129. — № 1. — P. 1-29.
12. Fourie E. A. Future for the Theory of Multiple Modernities: Insights from the New Modernization Theory // *Social Science Information.* — 2012. — № 51 (1). — P. 52-69.
13. Greenfeld L. *Nationalism: Five Roads to Modernity.* — Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1993. — 581 p.

Поступила в редакцию 01.05.2020 г.